

Воспоминания

СТАРШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК, К.Т.Н.
СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ НОВИКОВ (ВЫП 1955 Г.)

«ВЫШЛИ В ЖИЗНЬ РОМАНТИКИ, УМ У КНИГ ЗАНЯВШИЕ, КРОМЕ МАТЕМАТИКИ, СЛОЖНОСТЕЙ НЕ ЗНАВШИЕ»

(Роберт Рождественский)

Говорят, в преклонные годы люди помнят подробно все, что было в молодости. Может, это и так, но в моей памяти не осталось последовательной истории студенческих лет. Скорее отдельные островки-вспышки, часто совсем не стоящие того, чтобы сохраниться и тем более рассказывать другим. Но нужна ли эта подробная последовательность? Ведь кто, сколько и чему нас учили — все известно. Так что это лишь попытка передать молодым свое (очень личное) общее ощущение от тех, как принято говорить, — незабываемых лет.

Школа близилась к окончанию, а я никак не мог решить, что же делать дальше, кем стать. Разумеется, учиться в институте, тогда другая дорога не мыслилась. Но куда пойти? Ведь «молодым везде у нас дорога...». В Хабаровске, где меня застал выпускной год (поскольку отец был строителем электростанции, то семья кочевала по всему Союзу), можно

было учиться в медицинском, педагогическом и институте инженеров железнодорожного транспорта. Хотя и медицина (начитался В.Вересаева), и воспитание юношества (начитался А.Макаренко) мне нравились, но в те годы туда шли только девочки. Связывать свою жизнь с железной дорогой — как это несовременно! Да и хотелось вырваться из дома, хотя там было так хорошо!

Словом, ехать (это бесспорно!), но куда? В Москву — страшно, несмотря на светившую после выпуска медаль. Выбор на Свердловск пал оттого, что семья когда-то (1939-1943 гг.) там жила, город я знал, да и остались кое-какие знакомые. А главное — девушка, с которой мы дружили в свердловские годы (студентка консерватории), написала мне, что в УПИ открылся новый факультет, очень секретный, где, как будто, готовят специалистов по атомной технике. Это решило все, родители одобрили. Я поскорее написал письмо в приемную комиссию с просьбой подробно разъяснить, кого готовят физико-технический факультет и как туда поступить. Вскоре пришел исчерпывающий ответ, подписанный Мхлайкиным и Е.И. Крыловым, где сообщалось, что факультет «готовит специалистов в новейших областях науки и техники». Чего же боле?

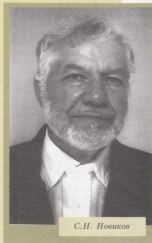
Получив все же медаль и поэтому проведя лето на песчаных пляжах Амура, я, полный сил, оказался в коридорах здания, которое самым своим благородным фасадом внушало гордость и счастье принадлежать к его обитателям.

В коридорах кипели абитуриенты. Но мы, физтехи, были не такие, как все. Во всем чувствовалась некая тайна и избранность. Например, мы должны были проходить особую медкомиссию, помещения факультета были с барьером, для входа требовался пропуск, а вечером и ночью дежурили овчарки.

Это ощущение секретности сопровождало всюду и очень нравилось мне тогда. Хотя, как потом выяснилось, ничего секретного не было ни в наших лекциях, ни в аккуртно прошнурованных тетрадах. Сек-

ретным, пожалуй, был сам факт существования в Свердловске такого факультета, может быть, его численность. Однако и это было «секрет Полициея», так как весь огромный город отлично знал (как знала моя консерваторка), чему учат на физтехе. Конечно, нам, которым в недалеком будущем пришлось работать на действительно секретных работах, была нужна эта школа секретности для выработки специфических навыков. Но в личной жизни многих из нас это было, конечно, отрицательное влечение, поскольку оно превращало нас «будущих командиров производства», в слепых котят, которые не знали, чему их учат, что ожидает впереди, куда нужно стремиться, чтобы лучше реализовать свои наклонности. Система секретности была также прекрасным рычагом для управления студенческими массами. Ведь нас нельзя было сравнить по дисциплинированности со строителями или металлургами. Если там администрация надо было тратить силы на объяснение своих решений, то нам было достаточно дать команду, чтобы наши ряды молча перестроились и зашагали тем же бодрым темпом в иной направлении. В личной жизни некоторых студентов-физтехов это приводило к драмам, так как их внезапно, без объяснения причин, переводили на другие факультеты. Да и меня эта система человеческого распоряжения судьбой человека привела к тому, что я ни дня не работал по специальности, я ее не любил, а питал тайную страсть к физикам (к которым и сбегал, как только закончился курс наук). Частое последствие мне не хватало знаний, которые я должен был получить в институте, и приходилось постигать азы самостоятельно.

Но вернемся к началу. Первые физтехи, с которыми я встретился на медкомиссии в сентябре 1950 года и с которыми подерживаю связь по сей день, были Е.Казанцев и С.Медовщиков. Незабываемое первое собрание первого курса в «риско-йо»-аудитории. Нас оказалось человек сто пятдесят. В основном — вчерашние десятиклассники (много медистов), однако кое-где зеленели гимнастерки и кителя бывших фронтовиков, полно, как шли по проходу красиво одетые парни в ярких пиджаках и длинных галстуках (будущие «стиляги»). Они сразу образовали дружную группу во главе с неотразимым Васей Кобяковым, нашим будущим поэтом и ионизатором. Еще одна маленькая группа привлекала внимание всей аудитории, ни дежурил. Их было всего пятеро, наш «средний

С.Н. Новиков

элементы. Они все были симпатичные, но их было так мало, что их роль в нашей жизни была невелика — приходилось искать «контингент» на стороне. Выступали перед нами руководители факультета, студенты старших курсов. В основном на тему о факультетском патриотизме.

Мы уважали наших руководителей, некоторых любили (особенно Е.С. Якушеву, М.Г. Владимирову, Е.И. Крылова). Другим мы знали мало. Следующее яркое воспоминание — поселение в общежитие (в седьмой корпус, вместе с механиками). В нашей комнате было восемь коек, так что я протискивался к своему локу бочком. На первом курсе был народ разной, многие из живших тогда в нашей комнате быстро «отселались». На меня, «камешкины сынка», всю жизнь прожитую с родителями, общежитие (слово «общага» тогда еще не придумали) произвело гнетущее впечатление. Ребята все вроде бы неплохие, но скученность, разные привычки и характеры — это травмировало. К тому же многие любили выпить лишнего. В нашей комнате жил и староста группы Коля Тюрин, всегда спокойный и улыбающийся, бывший моряком в черном бушлате, в котором он проходил, кажется, все студенческие годы. Как будто бы, курсе на третьем его «вычислили» на метаф.

Жизнь мы вели примерно, т.е. под влиянием наставлений «отцов факультета» все стремились к знаниям, боялись отстать от графика, хотели иметь все конспекты и т.д. Это известный «синдром первокурсника»; надо — курсе на первом, третьем — мы освоили студенческую науку чуть всевыми (от сессии до сессии). Но тогда — все было всерьез. Стол для занятий (а также для еды и пр.) в комнате был один, поэтому разбился на сменя и круглые сутки занимались. Один — спали, другие — учили. Правда, на столе стоял латифон, который периодически накручивали «для настроения»; но ни свет, ни фокстроты (которые тогда назывались «быстрым танцем») не мешали спать или зубрить. Мой кроватей стоял впритык к столу в центре комнаты, поэтому музыка была прямо по голове. Иногда за полночь приходили навеселе любители выпить и нарушали рабочую атмосферу. Поиню, однажды я проруснул от потока холодной воды, обрушившегося откуда-то сверху. Оказавшись, при выяснении отношений один из гуляк залупился в своем субульнику через всю комнату дверью, а находившаяся там вода, пролетая, вылилась в мою постель. Словом, через некоторую время я стал напряженно думать, а не переахать ли мне в город к друзьям моих родителей. Однако они не очень радостно встретили мои намеки, за что я им очень благодарен, так как прожил в общежитии все годы учения и были они, действительно, незабываемы.

Итак, «прощас пошел», я включился в технологическую цепочку превращения ученика в «высококвалифицированного специалиста», как обещали нам «отцы фа-

культета». Деканат в первом его составе делал все, чтобы это осуществить. Расписания, планы, графики — все делалось на высоком уровне. Надо отдать справедливость, факультет быстро завоевал славу, которая стала распространяться по Союзу (особенно на Восток). Если еще учесть вышедшую в те годы моду на «физику» («что-то физики в почете, что-то лирики в загоне» — сказал полт. Б.Слуцкий), то понятно, что лучшие из окончивших школу потянулись в Свердловск, на физтех. Прелестную тропинку для хабаровчан и я. Вместе со мной приехали еще трое, правда, не все поступили на физтех. Так, например, мой соученик по школе Вадим Консон поступил на энергофак, а потом стал душой самостоятельности всего института. В 70-е годы он руководил мюзик-холлом в Кино-клубе, а теперь веселит народ в США. Чувство юмора, комизм были у него исключительные. В последующие годы приехали еще хабаровчане из моей школы, в частности, Волода Рубан — светлая голова. А потом целую группу привел мой брат Леонид, связавший с факультетом всю жизнь и выучивший затем своих сыновей.

Надо сказать, что первые два года прошли для меня, как в тумане. Я шел робкими шагами от задания к заданию, от экзамена к экзамену, не понимая, куда ведет меня эта дорога. Поиню, очень завидовал ребятам, окончившим техникумы. Они были гораздо самостоятельнее, и мне казалось, видели конечную цель, специальность в целом. Кроме того, у них были отличные навыки к черчению, пространственное видение. Может быть, оттого, что моя адаптация была заткнутой, я не помню подробно, кто и на чем преподавал. Лишь отдельные яркие личности сохранились в памяти. Когда нынче собираются старые физтехи, живущие в Москве, то с их помощью и я вспоминаю разные подробности и отдельных преподавателей.

Запомнился, конечно, наш первый физик Абрам Константинович Кихин (последствия я часто встречал с его старшим братом — академиком Исааком Константиновичем), который увлекательно читал свой курс, перемежая физику с воспоминаниями альпиниста. Последние производили на нас сильное впечатление. Настоящий курс обиды физики мы услышали позднее, когда пришел читать А.С. Вилгин. Это был очень оригинальный человек, сразу обросший в наших устах анекдотами и легендами. Он дал нам (по крайней мере, мне) строго и прекрасную картину общей физики, где все было взаимосвязано и обусловлено. К сожалению, он мало нам читал и потом рано ушел из жизни.

О преподавателях общей (и прочей) химии — их было несколько — ничего вспомнить не могу. Пожалуй, наиболее яркой личностью был Валерий Леонидович Золотавин, который читал методы анализа. С ним я был хорошо знаком, так как посещал его лабораторию по линии студенческого научного общества (спектральный анализ), а потом он стал секретарем парт-

бюро и руководил комсомолом. У меня с ним была небольшая трудность. Дело в том, что он очень быстро говорил, и дикция его была неважной (говорят, это черта больших ученых). И на меня в разговоре с ним напала какая-то ступор, так что я не мог четко выговорить его имя и отчество: по-лучалось что-то вроде «Валериолевич», я всегда страшно боялся, как бы он не подумал, что я его передезиняваю.

Евгения Ивановича Крылова — первого декана факультета — все мы очень уважали, хотя, кажется, он ничего нам не читал. Просто его личность, мудрость, доброта по отношению к студентам (помню историю талантливого В. Еленоского, которого Е.И. спас от исключения) всегдалью почтены. В те годы, когда идеология лезла во все щели, когда это стало оружием посредственностей в науке в их борьбе с талантами, Е.И. пришлось много пережить. Его обвели сторонником реакционной, идеалистической, антимарксистской и поэтому антинародной теории химического резонанса. Никто из нас, конечно, не понимал сущности этого явления, но вакуум преследования окружал Е.И., и мы это чувствовали. К чести руководителей института, это, кажется, не отразилось на его биографии.

С Е.И., я впоследствии на старших курсах и после окончания института встречался на почве филателии. Он был одним из наиболее крупных коллекционеров и знатоков советских марок в Свердловске. Разумеется, он не делал из этого бизнеса. Лишь однажды, когда надо было срочно купить для семьи дачу, он продал свою прекрасную коллекцию, но тут же начал снова, быстро наверстаив упущенное. В тот период времени и узнал его, как деликатного, высокообразованного и очень благожелательного человека. Забавно, что он случайно благословил меня после окончания института. Когда я пришел (по очень таинственным ориентирам) для дипломной практики на станцию Верх-Нейвинск, то, к моему удивлению, увидел в маленькой вокзальной донике Евгения Ивановича, которого провозвал сам директор комбината И.П. Родионов («Борода»). Узнав меня, Е.И. тепло пожелал мне успехов.

Из «хорошеев», читавших нан в первые годы общеобразовательные курсы, помнятся Е.А. Барбашин (математика) и И.М. Волк (теоретическая механика). Лекции их были содержательными, но каково-либо личного впечатления не оставили. Разве что, Волк нравился четкостью изложения и красотой математических символов. О Е.А. Барбашине сказать этого не могу, так как по складу характера он не производил яркого внешнего впечатления, однако имел славу выдающегося математика. Иное дело, проводивший семинары по математике Егорос. Он запомнился этаким суперменом, отлично знавшим свой предмет и популярнейшим говнявшим нас в хвост и гриву. Он любил пользоваться длиннейшим ногтем на мизинце пра-

вой руки в качестве указки, решая у доски какую-нибудь задачу.

Особое впечатление осталось от курса основ марксизма-ленинизма (ОМЛ), который, естественно, считался тогда одним из важнейших, если не самым важным предметом. На первом курсе нам читала лекция Федорова (имени я отчества не помню). Это была полная, уютная женщина со сладким голосом. С прекрасной дикцией она гладко излагала нам курс, в значительности которого ни у кого (по крайней мере, у меня) сомнений не возникло. Иногда, правда, коробились бездоказательные формулы типа: «Учение Маркса всеисключ, потому что оно верно». Но это, вроде бы, была цитата из какого-то выступления В.И. Ленина... Скажу честно, никакой тени недоверия, критиканства (не говорю уже, протеста) у меня, да и у подавляющего большинства студентов, это не вызвало. Интерес, правда, тоже.

Помню, что некоторое недоумение возникло при конспектировании первоисточников. Все изучаемое преподносилось нам, как величайшее достижение человеческой мысли всех времен и народов, а из текстов это как-то не следовало (особенно при чтении работ И.В. Сталина). Даже светоч философской науки «Материализм и диалектика» В.И. Ленина произвел на меня впечатление робкого конспекта Ленина, полемической журналистики, обзора и критики чужих философских воззрений, но не стройной философской системы. Мы были воспитаны прочно: с раннего детства в сознании формировалось полное доверие к тому, что говорят официальные источники.

Характерным примером этому может служить эпизод, который произошел в дни после смерти И.В. Сталина. Не стану говорить, какое это было для нас потрясение и личное горе — это уже знает. Но мой друг, с которым я прожил бок о бок пять лет в одной комнате общежития, деликатнейший Лева Толстов (мы звали его «Левка» за изысканность) как-то обронил, что Сталин не совсем такой, каким нам его представляли... Помню, что реакция протеста в душе вызвало у меня это осторожное замечание. Долго я еще раздумывал, как мог Лева такое сказать? Наш ли он человек? (А он как раз имел основания, так как его семья, как потом выяснилось, пострадала от репрессий). Этот маленький эпизод показывает, что кафедра ОМЛ хорошо делала свое дело. Никаких самостоятельных мыслей, попыток узнать истинную историю и философию из первоисточников (да и где можно было найти?) у нас не было и не должно было быть. На совершенно языке и только можно сказать, что мы были прочно зомбированы.

Конечно, на кафедре тоже были люди, и их хлеб был нелегким. Обстановка была так тяжелая, самостоятельное мышление люди не задерживались. Это я узнал потом, когда познакомился с одной из молодых преподавательниц этой кафедры. Сам заведующий Каро Мкртчянчи Мкртчян был

яркой личностью и, как говорят, хорошим человеком. Нам он недолго читал лекции на ломаном русском языке. В полную силу своего жонго темперамента он клеймил эту «протестную» — буржуазную, в чем мы его охотно поддерживали.

Вот, пожалуй, все лица, которые остались в моей памяти от первых лет учения. Позже в нашу жизнь вошло другое поколение преподавателей. Они уже не были «корфеями», известными всему институту. Они были проще, понятнее и ближе к нам по возрасту. Их было много. Здесь и барственный, холерный и остроумный Ю. Никитин, проводивший семинары по физике (мы его звали «слона»), и преподаватель по сопромату, который говорил, что мечта его жизни — написать учебник в стихах (фамилию не запомнил). Содержательный курс киники редких элементов читал нам З.Персиц (которого за глаза называли «ниббией»). Были и почти наши ровесники, как оба А.К. Штольцы, Е.П. Даринко, ожививший занятия хоккאי и каламбурами. Вызывали особое чувство интереса люди «оттуда», которые видели «все» своими глазами (Власов, Дерягин, Вознесенский). Запомнились навсегда Пах (В.С. Пахлюков) и Пех (И.С. Пехташев), которые читали спецкурсы и уже по-отечески навставляли нас на будущую жизнь. Они же хлопотали при поездках на практику. Словом, это были близкие люди, с которыми и после окончания у нас недолго сохранялись хорошие отношения.

Мало я рассказал о своих преподавателях. Может быть, потому, что, как уже сказал, мне не нравилась специальность, которую мне назначил деканат, не спросив моего мнения. Так было принято. Я стремился к физикам (правда, никогда не пытался перейти, так как вначале считал, что не достоин, а потом уже сильно отстал), дружил со многими из них, с интересом слушал их отзывы о курсах и преподавателях. Я считал, что им повезло учиться у таких людей, как Г.В. Скроцкий, В.П. Скрипов, П.С. Зырянов, Ю.М. Каган. Когда учение было закончено, я попросил своего друга Володю Жданова, физика (ныне профессора МИФИ с международной известностью), уже работавшего на заводе в Сингапуре (так мы «зашифровали» знаменитый Верх-Нейвинский Комбинат), вызвать меня на преддипломную практику. Конспирация, однако, не мешала нам лететь куплет на мотив «Сан-Луис» Арстронга:

*«Горит Верх-Нейвинск огнем реклам,
Там желтый атом и КГБ,
А здесь, в ущелье, за лесом скрытым,
Дымят заводы марки «Б»...»*

Там я защитился и остался работать на 18 лет, ни дня не посвятив полученной мною специальности.

Роль физтека в жизни каждого из нас огромна и не только (и не столько) в связи с полученными знаниями, а как символ прекрасного периода молодости — студенчества. Не случайно, что наши связи крепки до сих пор. В группе были разные

ребята и по характерам, и по интересам. Было несколько компаний, однако между ними никогда не было плохих отношений, была стабильная дружеская атмосфера. Когда факультет получал собственное замечательное общежитие (10 корпус), где в контактах жили по две, по трое, мы поехали вместе: я, Вася Кобяков и Леви Толстов. Несмотря на то, что мы были очень разные, нам связывало какое-то теплое чувство взаимного интереса. Вася — натура широкая, артистичная, признанный лидер в институте поэтом, стилига и любитель девушек. Лева — скромный, даже застенчивый, постоянно краснеющий, тоже стилига и крайне неуверенный в своих силах и знаниях. И я — комсомольский активист, «функционер». И вот эта взрывчатая смесь сохраняла стабильность, из года в год мы жили вместе и не пытались разделиться. Нашей дружбе не мешали небольшие конфликты, возникавшие иногда. Поскольку и Вася, и Лева были стилигами (явление, не очень понятное современной молодежи, но несомненно сыгравшее большую положительную роль в жизни нашего поколения, поскольку была формой стихийного протеста против официальной казенщины) и любил ходить в рестораны, то мне, бывало, приходилось «разрабатывать» их на заседаниях комсомольского бюро. Они не обижались, так как это входило в правила игры того времени. Я тоже был не прочь побывать в ресторане («Большой Урал, или «Булура» был любимым, там пели тлевторную песню «У самого синего моря...»), выпить крепко на вечерниках, которые мы устраивали то с медичками, то с экономистами, потанцевать до утра. Однако это не мешало мне распылять моих друзей на заседаниях комсомольского бюро факультета. Это была, несомненно, двойная мораль, и она была узаконена. Ведь мы хорошо знали, что все студенты бьются в рестораны, пьют на вечерниках, даже «самые-самые», заседающие в бюро и комитетах (и бывал в такой компании, где дружно веселились члены комитета). Например, было дополнительно известно, что некоторые «хрупкие» активистам давалось «поручение» (и, возможно, средства) сидеть в наиболее популярных ресторанах и «факсировать» своих.

Как символ той нашей жизни, я хранил строчки, которые писал когда-то Вася: *«Милый друг мой, свет-Сергеж,
Быть нам скоро на погосте:
От меня осталась кожа,
А от Леви — только кости»*.
Застеливать нам сознание
Голод — злобный враг студента,
Войди нам на проплатные —
Ведь у нас опять ни центов.

Словом, в нашей комнате мы были разные. Однако мы дружили и после института, а с Васей и по сию пору. Лева очень рано погиб в нелепом автомобильном происшествии — его, стоявшего на краю тротуара, сбила милициска машина. Мы все после окончания ткнулись к науке. Лева долго го-

товился, наконец, защитился, получил назначение на должность зав. лабораторией, и тут случилась эта катастрофа. Мне пришлось провозить его в последний путь.

В нашей группе я дружил еще с Олегом Скресановым. И сейчас мы изредка общаемся письмами, сообщаем друг другу последние новости о наших физтехках. Когда он приезжает из Новосибирска, то обычно заходит ко мне, и я бываю среди своих ребят. Олег отличался олимпийским спокойствием, невозмутимостью. Может быть, потому у него была клочка «Хэлса». Меня поразило и вызвало зависть глубокое понимание им материала и особая «химическая интуиция», которой он, несомненно, обладает. Там, где я, мучительно вспоминая пройденный материал, пытался понять, что же произойдет в той или иной реакции, он, пошевелив пальцами и почмокая губами, сразу говорил результат. В химии интуиция играет большую роль. Наверное, именно это свойство позволило ему стать одним из главных специалистов по проектированию химического производства в Среднем.

Невозможно даже упомянуть о каждом однокласснике, но перед «мысленным взором» все они стоят, как и раньше, поскольку все были своеобразными и интересными личностями. Со многими приходилось встречаться после и на юбилеях физтеха, и при командировках, и на встречах в Москве «курльцев-удальцов». Пожалуй, только одного-двух так и не видел с момента окончания. Конечно, все мои лучшие друзья — физтежи. Мало платил я приобрел друзей.

Наша студенческая жизнь была насыщена интересными делами, содержательна; я не помню периода, когда хотелось бы «убить время». В этом отношении не могу удержаться от старческого брюзжания и не посоветовать — как жаль, что современные студенты не знают этой счастливой жизни. Я наблюдал жизнь своих детей, когда они были студентами, знаком с жизнью и бытом современных студентов двух московских вузов (МИТ и ИГУ) и считаю, что мы жили интереснее. Пресловутая комсомольская работа, о которой сказано так много плохого, в ее же очень способствовала развитию организаторских способностей личности. Да, идеологический пресс давил, деформировал мораль, но, может быть, именно, как противодействие ему, в молодых людях формировались важные черты характероустойчивости в жизни, способность к неформальному общению, остроту и умение читать между строк. Поскольку меня со времен школы выбирали во всякого рода бюро и комитеты (не допуская, правда, и ключевым постам), я могу сказать, что комсомольскую жизнь знаю не понаслышке. В институте стало как-то особенно ясно, насколько идеологическая часть комсомольской работы вырвалась в пустую формальность. Если на первых курсах нас еще могли «зажечь» такие лидеры, как В. Пузко, А. Штолц, Б. Гейдан, то далее все повторялось, и мы туземцы от однообразной пропаганды. Кстати,

Б. Гейдан произвел на меня такое впечатление и запомнился надолго таким трибуном типа Павки Корчагина (что не помещало режимным органам факультета «высчитать» его за какие-то еврейские корни).

Когда я попал в бюро факультета, то, конечно, мне очень хотелось как-то оживить агитационную работу, найти новые формы. И моему удивлению, я встретил полное недоверие со стороны комитета комсомола и партбюро факультета (Золотавин В.Л.). Мне говорили: «Зачем придумывать новые формы, когда возможности старых еще не исчерпаны?» И мы продолжали читать материалы съездов, пленумов и передовицы «Правды». Однако мне все же удалось осуществить свою инициативу: я предложил и организовал несколько конференций по изучению работ М.И. Калинина, обращенных к молодежи (они мне, действительно нравились). Сейчас это звучит, возможно, забавно, но тогда вызвало некоторый интерес.

Комсомольская работа объединяла и другие стороны студенческой жизни, не связанные с идеологией, в частности, спорт и художественную самодеятельность. Они играли очень большую роль в нашей жизни. Я не был спортсменом, но навсегда запомнил атмосферу спортивных праздников по разным видам — гимнастике, волейболу, которые собирали тысячи зрителей. А уж эстафеты «ЗИК» (газеты «за индустриальные кадры») наверняка помнят все. Весной весь Втузгород бегал. Несмотря на добровольно-принудительный характер подготовки к эстафете (понюно, как поднимали на обязательную утреннюю зарядку любителей), попласть, «бить» в алюминевые отливки, издававшую жуткий звук), эстафета была большим событием!

А культурная жизнь студентов нашего института? Я уверен, что никто из нашего поколения не забыл прекрасных концертов-капустников, которые давались на сцене клуба УПИ. Весь город стремился попасть на эти концерты. Масса выдумки, оригинальных, остроумных текстов, прекрасных исполнителей (среди них наши «звезды» — Лидочка Пушкина, Вася Кобыкин, Саша Денисов) — все это создавало атмосферу бодрости и радости жизни. Тогда основой всякой самодеятельности были хоры. Каждое торжественное мероприятие начиналось и кончалось хором, исполняющим «Партия — наш рулевой» или другие подобные гимны. Все мы ходили на хор — факультетский, институтский. Там разучивали и исполняли не только гимны, но и песни для души и даже классику (помню хор «Ноченька» из «Домна»). Наши вдохновители и учителя Борис Митохлов и недавно безвременно ушедший из жизни Толя Манаков на всю жизнь привили нам любовь к песне и умение петь хором.

Большое значение в нашей жизни играли БОНС, но не на ринге, а на сцене — Боевой Орган Комсомольской Сатиры. Мы ждали выхода нового номера, обсуждали

его содержание между собой. Коллектив авторов, в который входили многие физтехи: В. Кобыкин, Г. Тетерин, Ю. Потанинков (может быть, кого-нибудь забыл) представлял собой некий элитарный клуб, где царил аскетизм. Это от души «разоблачали» двоичников и пропалачиков, пьяниц и стивяков (будучи все стивягами!). Почти все они в дальнейшем стали видными специалистами, докторами наук.

Вот лишь некоторые примеры деятельности институтского (факультетского) комсомола тех лет. Было много другого, например, эпоха студенческих стройотрядов. Но всего не расскажешь. Многие активные комсомольцы стали потом «котами города» — А. Добрыден, А. Мехренцев, (если бы не ранняя смерть, А. Мехренцев был бы сейчас премьер-министром). Однако наблюдались и обратная закономерность — деятели комсомола в институте после окончания отходили от активной общественной работы и, наоборот, большими политическими фигурами стали те, кто в студенческие годы не проявлял активности (пример — Б.Н. Ельцин). Мне дуается, что активисты студенческих лет приняли убогую сущность политической деятельности, и она им более не привлекала. Вторые — сознательно использовали политику в качестве простого способа самоутверждения. Так или иначе, но то, что в институте называлось «комсомольской работой», многим оказалось полезным для развития личности. Ведь именно в эти годы среди нас формировалось поколение, которое потом назовут «шестидесятниками». Очень похожая студенческая жизнь была во многих вузах Союза (это видно из многих мемуаров, которые публикуются в последнее время). Поколение «шестидесятников» решило историческую задачу, результат которой мы сейчас переживаем.

В заключение этих сумбурных воспоминаний хочу отметить родному факультету долгих лет успешной работы, а его людям — здоровья и благополучия. Сейчас, конечно, все значительно усложнилось. Нужны большие усилия, чтобы обеспечить факультету успех. Наверное, все же именно время наших поколений — в пятидесятые, шестидесятые годы — было «золотым веком» физтеха, все тогда было в будущем, возможности были неограниченными, так как партия и правительство щедро выделяли необходимые средства. Нам повезло!

Однако, я не сомневаюсь, что «смутные времена» закончатся, и вновь престижным будет не столько удаленность в торговле и финансовых махинациях, но и высокая образованность и творческий потенциал. А это как раз тот «продукт», который производит наш факультет.

Сергей Николаевич Новиков,
выпускник ФТФ 1956 года, канд.
тех. наук, ст. н.с.

